

Единственное, чего удалось добиться Андрюхе, это уговорить брата побывать на учредительном собрании одной из новообразованных общественных организаций «афганцев». Ярослав, впервые за долгое время отложивший чтение и поднявшийся с дивана, перевесил награды с «дембельского» кителя на гражданский пиджак и отправился на ассамблею. Вернулся же оттуда опечаленный и в дальнейшем все разговоры на эту тему жестко пресекал. Андрюхе оставалось лишь махнуть рукой; он окончательно перевел Ярика в разряд людей не от мира сего.

А проблемы нашего дальнего мира валились на Чернышева-младшего, не давая прдохнуть! Андрюха крутился, как белка в колесе, распутывая все новые и новые бухгалтерские хитросплетения и законодательные узлы. В этой бесконечной гонке никак нельзя сбиваться с хода, нельзя замедлять бег без риска быть немедленно отесненным другими марафонцами, целеустремленно рвущимися к обещанному на финише призу, топящими сошедшего на обочину слабака в волнах пыли и удущливого запаха пота. Нет, ни в коем случае нельзя останавливаться! И деловые люди, многозначительно подмигивая, подначивали друг друга: «Куй железо, пока Горбачев!»

Открытие собственной точки общепита позволило Андрюхе на деле убедиться, как щедро бывает вознагражден тот, кто возьмет на себя хлопотное дело заботы о желудках соотечественников. Через непродолжительное время кооператор Чернышев вернул заимодавцам большую часть взятых денег (родители, разумеется, могли и подождать); потом были возвращены проценты по долгам; а потом настал момент, когда Андрюха впервые с буржуйской аккуратностью вывел в грессбухе сладостные слова: «чистая прибыль». Чернышев, надо отдать ему должное, не трясясь над каждой вырученной копейкой. Он прекрасно понимал верность расхожего выражения «жадность фраера сгубила», поэтому щедро делился доходами с «нужными людьми». В

---

* Продолжение с середины VI главы, начало повести см. № 2, 2017 «Приокских зорь».

результате все «нужные люди» оказались владельцем вновь открытой чебуречной очень и очень довольны, а потому появились новые «нужные люди», тоже вполне благосклонные к любым починам любезного молодого человека. Перед начинающим предпринимателем открывались широчайшие горизонты.

Андрюха прекрасно понимал, что пока сделан всего-то робкий шажочек к состоятельности, подлинное богатство только замаячило вдали, лишь стало потенциально возможным, если играть по общим правилам. А правила были несложными, и очень быстро Чернышев их твердо усвоил. Если основополагающий постулат либерализма гласит, что свобода каждого ограничена свободой окружающих, то базовый принцип нарождавшейся олигархии был сходен: достаток каждого лимитирован величиной дохода «нужного человека», занимающего более высокую ступень на советской феодальной лестнице. Андрюха свято придерживался этого, так сказать, золотого правила кооператора, легко давая возможность «нужным людям» приобщиться к части заработанной им выручки, но люто ненавидя строптивцев, не желавших добровольно ограничивать свою экономическую независимость во имя соблюдения законных интересов третьих лиц.

Самому же Андрюхе денег хватало с лихвой. Да так ли уж много нужно молодому холостяку? Лишь досуг и представительские расходы требовали серьезных трат... Иногда родителям или брату перепадало несколько купюр, пропахших прогорклым маслом чебуречной. Доводилось оказывать родственникам и другую помощь — связями, услугами.

Однажды Ярослав позвонил Андрюхе на работу:

— Ты ведь все рестораны знаешь... Где можно недорого посидеть? Ко мне Малыш приехал.

— Какой еще мальш? — не понял Андрюха.

— Мы служили вместе. Малыш — это прозвище...

Вечером встретились у названного Андрюхой ресторана. Малыш оказался двухметровым громилой с чудовищными кулаками. Тело бывшего десантника имело совершенные, какие-то даже античные пропорции и, без сомнения, достойно было бы экспонирования в музее, однако сам он казался излишне подвижным для выставочного образца, ибо его гигантские руки и ноги, обтянутые сухими легкими мышцами, ни секунды не находились в покое. Лицо исполина, на голову возвышавшегося над окружающими, было до нехорошей бледности испытывало. Это не был радостный хмель человека, встретившего давнего задушевного друга; в болезненно позеленевшем лице, в воспаленно посверкивающих глазах явно проявлялся многолетний запой, имевший целью окончательное самоистребление вследствие абсолютной чужеродности Малыша в тыловой жизни без подъемов по тревоге и марш-бросков, без необходимости спасать кого-то, а кого-то «мочить».

Когда Андрюха подошел к ресторану, невысокий Ярослав, смяв в горсти рубаху однополчанина, что-то назидательно тому втолковывал, для пущей нравоучительности методично ударяя его кулаком в грудину. Малыш, которого слегка водило из стороны в сторону при каждом ударе, ласково улыбался собеседнику. Однако улыбка слетела с его лица, лишь только Андрюха приблизился на расстояние броска. Мутным глазом великан покосился на попавшую в поле зрения движущуюся цель, принимая решение: немедленно устранить объект или дождаться приказа на уничтожение; и только когда Ярик представил брата, Малыш сам себе скомандовал «отставить». Вошли в обеденный зал вместе, причем Малыш, с трудом державшийся на своих длинных стройных ногах, привычно пригнулся голову в невысоком дверном проеме.

Андрюху в ресторане знали, и вокруг их столика моментально засуетилась офи-

циантка. Чернышев-младший сделал заказ и присел рядом с «афганцами». Сперва он собирался побыстрее улизнуть, заранее зная, как пойдет беседа сослуживцев, но потом решил задержаться немного, до третьей-четвертой рюмки, пока не начнутся песни. Очень уж хотелось подольше покрасоваться рядом с Малышом, этой совершенной боевой машиной, хотелось, чтобы ресторанная обслуга покрепче запомнила, с какими ферзями Андрюха водит компанию... А, может, кто из знакомых заглянет...

Между по-десантному затяжными глотками водки и торопливым поеданием закуски молодые ветераны оживленно перекрикивались через стол: «А помнишь?..» «Ну, за встречу!» «А где Чук?..» «Да ладно!..» «Ты ротного видел?!..» «Ну, давай — второй тост, традиционный!» «Давай за наших, за тех, кто никогда не предаст, за тех, чьей дружбой мы можем гордиться!»

После того, как опорожнили первый графин, пригорюнившийся вдруг Ярослав, подперев рукой щеку, меланхолически глядя в пространство, спрашивал:

— А помнишь, мы думали: дембельнемся и будем перестройку толкать... Ускорение. Такое слово тоже было... Господи! Что за несчастная наша страна! Когда же здесь научатся ценить людей, которые хотят что-то делать? А ведь мы бы могли, мы бы сумели! И немало нас, и глаза горели, и кулаки чесались! Но нет, не пригодились ни в чем Отечеству своему... Заговорили, заболтали ДЕЛО!! А потому, что испугались нас: управлять нами тяжело, контролировать нас некому, остановить нас сложнее, чем убить... Куда теперь былой напор девался? Кто в церковь подался, кто в «металл» ушел... А мы-то думали перед дембелем: вот вырвемся с этой войны, таких славных дел наворотим! Будут нами гордиться родители, будут нас помнить дети! Мол, наше время пришло! Нет, опять не наше. Снова укради у нас дело. Дела нет, понимаешь? ДЕЛА! Еще одно обманутое поколение...

«Началось! — подумал Андрюха. — Пора валить отсюда!» Он отлучился будто бы в туалет, а потом потихоньку вышел из ресторана и уехал. Ни к чему ему было сидеть за одним столом с этими неудачниками, переживая вместе с ними обидную невостребованность и общественное неприятие. Уж его дело — чебуречную — никто не отнимет! Уж его-то никто не обманет! Уж он-то, действительно, еще всем покажет, и будет у него (не то что у Ярика) все не хуже, чем у людей!

Конечно, чтобы держаться на плаву, следовало крутиться почти без остановки. Иногда деньги просто валились на голову, но большей частью приходилось складывать копеечку к копеечке, экономить на сырье, выжимать грошики из дубово-неповоротливой бухгалтерской отчетности. Делал это Андрюха умно и расчетливо, хотя иногда вдохновлялся на рискованные операции, приятно волновавшие непредсказуемостью результатов. Да, случались финансовые потери, но Чернышев относился к ним stoically. Он верил в свою счастливую звезду, ошибался редко.

А после рабочего дня Андрюха с «нужными людьми» раскатывал на милых его сердцу «Жигулях» из одного ресторана в другой. Упорный Чернышев плел сеть полезных связей, как паук паутину. Впрочем, «вспрыскивать» новые знакомства было так славно и весело, что скоро представительские заботы и досуг слились в единое целое, называемое образом жизни. Вечерами Андрюха становился особенно азартен и раскован. Он с предопределенной фатумом готовностью мотылька устремлялся на призывающее мерцание неоновых вывесок и желтый свет прокуренных ресторанов. Ему нравилось, вальяжно расположившись за стойкой, лениво перекинуться словечком со знакомым барменом, порой фривольно подмигнуть своей (своей!) официантке. Ему щекотали нервы мимолетные встречи с нетрезвыми женщинами и мнимомногозначительные разговоры с подозрительными osobами, ему были по сердцу ухарские пляски в обеденном зале, демонстрировавшие, насколько разношерстная публика едина в своем порыве к разгулу. Атмосфера дешевого кутежа и надсадного веселья под ог-

лушающие однообразные аккорды расхристанного оркестра дурманила хмельней вина. Казалось, что вокруг близкие по духу сотрапезники и событыльники, что все присутствующие дамы милы и доступны, а звучавшие из-за соседних столиков слова-приказы «салат «Столичный», «котлеты по-киевски», «двести грамм» тоже напоминали приблудненную расслабляющую музичку ресторанных лабухов. Андрюха придилично рассматривал сервировку своего столика, переводил взгляд на соседние и оставался доволен: одинаковые скатерки, пахнущие прачечной, одинаковые графинчики и салфетки, одинаковая еда в общепитовских тарелках. Андрюха оценивал свою компанию, наблюдал за другими — его была не хуже. Андрюха выходил в гардероб, где висело огромное зеркало, и исподволь рассматривал дымно и пьяно-расплывчатое свое отражение. Никому из завсегдатаев ресторана он не уступал: крепкие скулы, покрасневшие глазки, плотная фигура, немаркий костюмчик. Он возвращался в гудевший нетрезвыми голосами зал, благодушно плюхался в застолье. Да, он был на своем месте. Он был как все; все у него было как у людей.

В школе на уроке физики Андрюхе рассказывали, что в одном французском городе под стеклянным колпаком хранится отрезок стального швеллера — эталон метра. Вот и жизнь ресторанныя представлялась Чернышеву такой же абсолютной нормой. Официанты размеренно вносили неизменные графинчики, салатики и котлетки, приготовленные по традиционной, закрепленной ГОСТами рецептуре. Ансамбль на эстрадке периодически подавал в зал железные бруски популярных мелодий. Время от времени мужчины бросали на женщин за соседними столиками заранее отмеренные взгляды, чуть короче нагло-призывных, чуть длиннее скромно-восторженных. Каждый завсегдатай ресторана свято соблюдал неписаный кодекс поведения, основу коего составляет гипертрофированное чувство собственного достоинства, готовое в любой момент истерически прорваться в мордобое или бое посуды. Все это входило в общепризнанные правила этикета. Все это было навсегда. Это стоило бы поместить в специальную витрину и бережно хранить, как один на всех метровый рельс. «Нормально!» — думал Чернышев, в очередной раз оглядывая зал своего любимого ресторана, и с чувством глубокого удовлетворения тянулся к графинчику на столе. Вот такой должна быть жизнь!

Однако не существует нетленных эталонов, все подвержено распаду... Самое величественное здание начинает разрушаться в тот момент, когда уложен последний камень, устоявшийся порядок вещей подвергается деформации в ту секунду, когда мы признаем его таковым. Незыблемые, казалось, устои почему-то дают трещину и рассыпаются, привычное течение жизни исподволь упирается в невидимую запруду, тайно меняет свое русло история, постепенно искажается облик века. Как уловить начало этих изменений? Почему они свершаются? Есть ли на то скрытые причины, или все в мире случается вдруг, и высшие силы не снисходят до объяснений? Дано ли человеку постичь суть великих перемен? Нужно ли постигать? Следует ли смириться с происходящими метаморфозами, или необходимо сопротивляться?.. Да, вопросики... И ломаешь над ними голову, хотя зовут тебя не Гамлет, принц датский, а просто Андрей Чернышев... Но удивительнее всего, что грозные глубинные сдвиги начинаются с мелочей, с того, что не представляется достойным внимания, а то и вызывает улыбку.

Так иронично улыбался Андрюха, когда впервые увидел диковинное даже для закаленного тотальным дефицитом «совка» явление — не помещающуюся в магазин очередь за мылом. «Мыться полюбили?!» — съязвил про себя Чернышев, не подозревая, какую бесчеловечную головомойку уготовила эпоха и записным чистюлям, и тем, кто плевать хотел на гигиену, и ему самому. Да, поначалу чудаки, десятками скапавшие еще сутки назад никому не нужные, скучные мыльные бруски, выглядели

всего лишь забавно. В самом деле, кто мог предположить, что эти кирпичики чистоты, из которых томящиеся бездельем продавщицы галантерейных магазинов выкладывали настоящие крепостные стены за своими прилавками, непостижимым образом исчезнут? Кто ожидал, что единственное, чем были надежно, с запасом, затоварены склады — бесконечные ряды коробок с моющими средствами,— разлетится с легкостью мыльных пузырей?

Но вот на следующий же день после саркастических ухмылок оказалось, что дома у Чернышевых нет стирального порошка. Мать умоляла Андрюху сходить в ближайший хозяйственный, где, по слухам, как раз «выбросили» импортный. Сын недовольно скривился, но пошел: мать ведь и для него стирала. Пошел, и стал в очередь, и провел в ней весь рабочий день до закрытия магазина, и, озверев от ожидания, хотел купить сразу тонну того порошка, но давали только по пять пачек «в руки». Стало не до сарказма, не до улыбок, не до шуток.

С того дня товарно-сыревой голод лишь нарастал, а Чернышеву все труднее и труднее работалось, ибо со временем всеобщий дефицит стал сущностью экономической жизни. Какое-то время Андрюхе благодаря широким связям удавалось доставать нужные товары, но вскоре и ему перестали отпускать что-либо: не до него стало, ведь сами «нужные люди» начали испытывать нехватку, где уж тут соблюдать прежние деловые обязательства...

Продукты покидали Россию. Как перелетные птицы, они устремлялись в неведомые советским гражданам края, населенные беззаботными счастливцами, которые любили еду, но, главное, которых еда любила. Подгоняемые древним инстинктом служения сытости, съестные припасы косяками отправлялись в безвозвратную даль, без всякого сожаления оставляя насиженные места и призывающими кликами увлекая за собой нерасторопные бакалейные товары. Грустно, по-осеннему, стыла проголодавшаяся страна, сиротливо жались друг к другу опустевшие колхозные поля, в бессильной злобе матерились вслед отлетающему продовольствию сельмаги, и даже городские гастрономы слезливо блестели глазами витрин, не понимая своей неприянной судьбы, не веря в свершившееся предательство.

Устрашенные угрозой надвигающегося голода, люди зверели в схватках за еду; сгрудившиеся в огромных количествах у пустых магазинов, они становились опасны, и как поведут себя агрессивные напуганные толпы, никто не мог предугадать. Тогда через расшатанный частокол «железного занавеса» иностранцы стали перебрасывать в СССР продовольственные посылки, словно опасливый посетитель зоопарка, который, искоса поглядывая на категоричную вывеску «Животных не кормить!», все-таки бросает в вольер к воющим хищникам недоеденный пирожок.

Вот и Чернышевым достался продуктовый набор, присланный из Германии,— отцу на работе выдали. Вечером собралась вся семья; поочередно рассматривали содержимое посылки, не понимая, что написано на этикетках, пытаясь по внешнему виду определить вкус и назначение присланного. Ярослав, брезгливо перебирая консервные банки, по своему обыкновению разговаривал не то с домочадцами, не то сам с собой, не то серьезно, не то шутил: «И что примечательно: никто не обратил внимания на самое главное! Ведь Запад своей гуманистической помощью нажил себе у нас кучу врагов. Русские им этого не простят. Нет, действительно! Я как рассуждаю: вы, империалисты, можете с нами воевать, реализуя свою агрессивную внешнюю политику. Это понятно, и мы к этому готовы. И биться будем до последней капли крови, и в Берлин опять войдем, и флаг свой повесим. А там и помиримся с прежними врагами, простим им все былое. Вот к такому — к агрессии, к захватам, к жестокости — мы привыкли и готовы. Но присыпать нам продуктовые посылки... Это оскорбление, это запомнится надолго... То есть, они нас жалеют. Не уважают, не боятся, а жалеют.

А нас жалеть не надо, мы сами кого хочешь пожалеем. И мы еще посчитаемся с вами, господа зажравшиеся буржуи. Придет срок! Я просто вижу испуганно-растерянные глаза какого-нибудь бюргера, когда нашенский гегемон будет тыкать его в фейс кулачищем, приговаривая: «Вот тебе продуктовые посыпочки, сволочь!»... Да, все-таки Киплинг был прав: Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись... Никогда нам не понять друг друга».

Домашние, ставшие невольными слушателями этого монолога, неодобрительно косились на Ярослава. Его искренне любили в семье, однако снедавшая его мизантропия вызывала раздражение. Родственники уже смирились с тем, что Ярослав с ироничным прищуром поглядывал на окружающую действительность из-за обложки очередного журнала и ернически философствовал, не вставая с дивана, но понять и принять такого поведения не могли.

Андрюху же, в отличие от брата, постепенно охватывала тихая паника, ибо все его замыслы, все радужные планы рушились на безрыбье и безмясье талонной системы, которая пришла на смену эталонной ресторанной устроенности. Чернышев-младший находился в отчаянии, ведь его чебуречная, если и предлагала посетителям продукцию, то по такой цене за порцию, что в былое время на эти деньги можно было питаться сутки, а то и двое. Пришлось закрыть свое любимое детище как нерентабельное производство. Это стало чувствительным ударом по психике, несмотря на то, что основные доходы Андрюхе уже давно приносила не кооперативная забегаловка, а другие предприятия, созданные в лучшие времена. Однако чебуречная оставалась символом новой жизни, доказательством того, что можно стремиться и достигать, хотеть и мочь, быть не хуже других.

Болезненный внутренний надлом, который переживал Андрюха, получил символическое воплощение в незначительном, на первый взгляд, случае: в одном из баров Чернышеву порцию недешевого коньяку подали в майонезной баночке. Андрюха сначала даже не понял, что происходит, продолжал ждать свой заказ, но потом благоухание благородных коньячных спиртов дало ему понять, что в этой неказистой посудине находится пред назначенный для него напиток. Андрюха набычился, грубо бросил бармену: «Это че? Че так пызорно-то?» Бармен улыбался смущенно и гадливо, пододвигая поближе клиенту коньяк в неожиданной таре, словно бы мочу, собранную для анализа в районной поликлинике: «Стаканов нет!» Андрюха после этого случая долго не мог успокоиться: «Ну, жратву, могу понять, съели. А стаканы-то куда делись? Как можно на Руси без стакана!»

Ну, правда же, как без стаканов обойтись? А их нет, как не было! Они исчезли из автоматов с газированной водой, где пребывали в сохранности десятки лет, может быть, изредка похищаемые выпивохами или разбиваемые дебоширами. Стаканов не стало в кафетериях, где дети пили соки и молочные коктейли, пропали из рабочих и студенческих столовых подносы, установленные стаканами с киселем и компотом из сухофруктов... Предположение, что вся четвертьлитровая тара случайно разбилась в однажды, заранее отметалось как совершенно бредовое. Ясно было, что за непонятным явлением стоит чья-то злая воля. Но чья?! Зарождался в сознании полуслучайный образ сумасшедшего стаканного магната, при помощи злых чар собравшего хрупкий дефицит со всей державы на каком-нибудь острове Буйне и теперь чахнувшего над несметными стеклянными сокровищами.

И вот когда стало понятно, что в СССР не найти ни единого стакана — ни надежного товарища Граненого, ни фасонистого тонкостенного аристократа Круглого — какое-то непривычное для Андрюхи размыщление забрезжило в голове. Стала сама собой оформляться мысль, что для комфорtnого ощущения себя в мире следует заботиться не только о том, чтобы у тебя все было «как у людей», но и о том, чтобы у

людей кое-что было бы, как у тебя. Следует подумать, хотя бы малость, о тех, кто вокруг, о тех, с кем ты, оказывается, связан множеством невидимых, но довольно жестких нитей. Вот и наглядный пример: ты можешь дома есть хоть из золотых тарелок, но если в баре тебе подают коньяк в кое-как промытой склянке из-под майонеза, то ты испытаешь небывалое унижение, от которого не застрахуют ни денежные запасы, ни связи,— потому что всему народу одинаково плохо. Эпизод с майонезной баночкой обострил болезненность надлома в душе Чернышева. Он словно бы достиг dna, на которое погружался много-много лет. Он будто врезался темечком в илистую твердь и только тут осознал, что попал в западню, а дальше надо срочно выбираться. Андрюху охватил ужас задыхающегося пловца. Хотелось сильно оттолкнуться от dna и немедленно всплыть, но это представлялось почти уже невозможным: слишком глубоко он занырнул, воздуха и сил на обратный путь не хватит... А там, безнадежно далеко вверху, так манко угадывался преломленный толщей воды яркий солнечный свет.

Все вокруг катилось в тартарары. В любимых Андрюхиных ресторанах становилось пустовато, противно. Бесшабашное пьянство почти без закуски обжигало желудки и раздражало нервы немногочисленных посетителей, все чаще срывавшихся на ругань и драки. Тускнели призывные глаза некогда томных общепитовских прелестниц, мужчины уже не магнетизировали взглядами дам за соседними столиками, не стало было задора в мелодиях ресторанных музыкантов. Теперь Андрюха как бы по принуждению, без вдохновения следовал завсегдатайскому этикету, крайне редко выходил в центр зала, чтобы слиться с подгулявшей публикой в ритме тупорылой мелодии, а если и поднимался из-за столика, то не было в его самодеятельно-плясовых движениях прежней вальяжной расслабленности. Чернышев потряхивал пухлым задом, дергал руками, топтался на месте. При этом казалось, что он хочет вбить в пол, растереть в пыль похожее на крысу нудное свое житье.

Одна шестая часть мировой суши содрогалась, словно бы от подступающего землетрясения, но никто не хотел верить в реальность угрозы. Народ, до полуобморока уставший от ежедневной погони за ускользающим дефицитом, безучастно наблюдал за происходящим. Привычка безропотно подчиняться, десятилетиями вколачивавшаяся людям в головы, вытравила их волю, мистическая уверенность во всесилии власти ввергла в апатичное оцепенение. Загипнотизированные неоглядной ширью своей земли и быlyми великими свершениями, граждане страны победившего социализма не сомневались, что все как-нибудь и без них образуется, что у начальства есть верный план спасения; а начальство уповало на мудрейший несгибаемый народушко, способный все вынести, со всем справиться. И вот все вместе они неслись по накатанной колее, зажмурив глаза, в полной уверенности, что раз заведенные установления останутся нерушимы вовеки, даже не допуская мысли, что рухнет охраняемый мощнейшим государственным аппаратом, благословляемый научно-безшибочной идеологией строй. На окраинах страны вызрели и вихрились грозные центробежные силы, толкая державу в пропасть распада, а в глубине России приближение конца воспринималось с нездоровым оживлением, даже с юмором, с отчаянным юмором обреченных. Ярослав пророчески каламбурил: «Был у нас Советский Союз, а стал Советский Саюдис!»

Андрюху теперь уже тянуло побеседовать с братом: хотелось разобраться в себе и в мире, понять, почему вдруг все пошло вразнос, а Ярик всякого повидал, да вот читает постоянно, может, что умное скажет, объяснит, как жить дальше. Но Ярослав говорил все не то, не о том, отвечая, скорее, авторам бесчисленных проглашенных им журнальных статей, чем обеспокоенному насущными проблемами родичу. Так что задушевной беседы не получалось: старший из братьев легко заводился, начинал с разбегу и много говорить, но меньшой уже через минуту мало что понимал, понуро

свешивал голову. Ярик, заметив, что опять сбился на монолог, осекался: «Ну, не знаю, правда, зачем вся эта «заумь» нужна. Это, честно говоря, шарлатанство. Чисто русское шарлатанство: навыдумывать всяких фантастических вещей, головокружительных умопостроений, роскошных доводов, величавых параллелей... вот, выдумал, читайте. Читают (самое удивительное, кстати!). И добро бы еще что-то мраморное, нерушимое выдумал, а то ведь — химеры. Самого прославленного возьми, почтай — такая чушь! Прочитали, разобрались: за фасадом ничего не скрывается. Другого давайте читать, не менее прославленного. Этот мыслитель все наоборот передумывает, не так, как первый. Второго прочитали, отложили — не зацепило. Поверхностно. Приелось. Каждый может придумать. Вот мы с тобой можем сейчас написать что-нибудь про космизм, сверхидею, богочеловечество, человекобожие... Но зачем? Зачем? Чертовщина какая-то. Так и не понимаешь, где живешь: то ли в своем мозгу, то ли в Бердяевском (Соловьевском, Федровском — не суть). А надо из черепной коробки вылезать, вылезать прямо в жизнь, в ней-то и жить! А жизнь... Ее, братишка, никаким мозговым силком не поймаешь. Вот и выходит, что вся эта заумная писаница бесполезна, бессмысленна, глупа. А на окружающих людей посмотришь, на реальную жизнь их — по сравнению с ней книги кажутся вдвойне глупыми. Да не вдвойне, а в пятьсот тысяч раз оказываются глупее!»

Ярослав говорил резко, взволнованно. Временами казалось, что в его глазах, как случайная слеза, дрожит отчаяние. Этого отчаяния еще несколько лет назад не отмечали в веселом до дерзости взгляде призывающего инструкторы учебного подразделения, тумаками вбивавшие науку побеждать в головы курсантам, готовившимся к отправке «за речку». Этого отчаяния не было в сузившихся от ярости зрачках новобранца в тот час, когда они вдвоем с Малышом, с которым лишь накануне познакомились на перевалочной базе, отбивались от целой роты таджиков, кинувшихся на них в солдатской столовой. Ярик не испытывал отчаяния и тогда, когда, уже прибыв к постоянному месту службы, в первый раз доставал из обгоревшей БМД своих сверстников в бушлатах, пропитанных кровью. Ни один «дух», даже рассматривая лицо гвардии сержанта Чернышева через оптический прицел, не заметил бы в его глазах отчаяния. А вот теперь, «на гражданке», не давало жить горькое разочарование. Бойца цинично обманули и многократно продали: политики, вдруг почему-то выбросившие на помойку идеалы, которые так уверенно внушали Ярославу с детства, которые стали для него настолько дороги, что он готов был за них сражаться и умирать; военачальники, маршировавшие к очередному званию или награде по трупам своих солдат; руководители государства, бессмысленно начавшие войну, которую потом сами же объявили бессмысленной.

Чернышева предали и соратники-«афганцы», эта, как казалось поначалу, несокрушимая когорта избранных, способная своей светоносной волей к жизни возродить Родину, вернуть ей смысл существования, заключающийся в преодолении растлевающей рутины. Но вместо того, чтобы жертвенным усилием вытянуть сограждан из застойного болота бессмыслицы, вчерашние боевые товарищи, еще не привыкнув толком к так щедро, так внезапно дарованному миру, бросились в драку. Вместо того, чтобы гордо предъявить обществу благородные законы своего братства, спаянного священной кровью павших, отставники злобно клеветали друг на друга, а то и брали своих же на мушку во время перестрелок за право «контролировать» очередную торговую точку. Как не прийти в отчаяние, видя, что братишки вновь берутся за оружие, но на этот раз ради обогащения кого-нибудь из лидеров своей группировки! Как грешно сознавать, что каптер в очередной раз подмял под себя солдата!

Но и на том цепочка измен не оборвалась. Ведь Чернышева предал младший брат, хитростью да подлостью добившийся освобождения от военной службы. По

большому счету, Ярослава бросили даже родители, так и не понявшие, не почувствовавшие главное в сыне, воспринимавшие лишь внешнюю сторону его непутевой жизни.

А вот теперь (Ярик вдруг как-то особенно остро ощутил это) пришлось столкнуться с лицемерием писателей и публицистов, тех, кому он в очередной раз поверили, тех, кто в очередной раз обманул его, взявшись за перо не из искреннего сострадания к своему народу, а лишь из желания продемонстрировать начитанность и искусство словесной эквилибристики... А что дальше? Кто еще и в чем обlapошиit его?! Нескончаемая череда предательств и впремъ могла довести до слез.

Юный рыцарь опускал свой меч не то чтобы в страхе, но в недоумении, а в душе его рождалось множество упреков: казалось, он один во всей стране серьезно относится к жизни и смерти, к воинскому долгу и служебным обязанностям, к героизму и самопожертвованию, к дружбе, справедливости и бескорыстию. Его трепетная жизнь, которую он хотел подарить людям, чтобы сделать их добреe, ответственнее, честнее, великолушнее, оказалась никому не нужна.

Он проиграл, и горше всего было сознавать, что причина поражения в его собственном несовершенстве, в неспособности соответствовать идеалу. Он сам своей ленью, сибаритством, снисходительностью к родным и друзьям исподволь и ежедневно предавал принципы, за которые сражался. Каждый раз, выпив лишнюю рюмку водки, он предавал и проигрывал. Хоронясь от гвалта «афганских» сходок на любимом диване, он предавал и проигрывал. Махнув рукой на плутни брата, в очередной раз смолчав, чтобы не поссориться с родней, он предавал и проигрывал. А победительницей из схватки с Чернышевым вышла повседневность, которая вроде радиации: неощутима, но смертоносна. Оказалось, что мирная будничность свирепее и коварнее душманов; от нее не отбиться ни калашниковым, ни ДШК. Тягучую обыденность невозможно одолеть. Она неизбежно и властно затягивает, поглощает, как болотная трясина, как зыбучие пески, как водоворот. Оставалось смириться или умереть.

Андрюха, никогда не отличавшийся душевной чуткостью, не мог взять в толк, что творится с братом. Если обратиться к нему за конкретным советом, то услышишь пространное рассуждение о закате цивилизации, о гибели империи, еще о какой-то фигне, которая никакого отношения к реальности не имеет. Ярослав усвоил неприятную манеру в разговоре позволять себе многозначительные недомолвки, отвечая на свои же потаенные реплики, а прямые вопросы собеседника игнорировать. Даже лексика у него стала непривычной. «И стыд от всех стран приемлем, и сладостно сами себя позорим. Возмечтавши однажды о счастливой будущей жизни, ждем ее страстью, но боимся наступления ее, как конца пути. И Того, о чьем приходе молимся, не хотим видеть и узнавать, побиваем каменьями, изгоняем!» — Ярослав переходил чуть ли не на старославянский.

Андрюха едва успел привыкнуть к постоянной ядовитой желчности в суждениях брата, как вдруг скепсис уступил место какому-то беззубому упадничеству, что в нестаром еще человеке невыносимо. Произошедшая метаморфоза вызывала раздражение и озлобление: «Нет, ну зачем ты тогда день-деньской сидишь над своими журналами, если ничего из прочитанного не способен применить практически, с пользой?» Андрюха совсем перестал понимать и всерьез воспринимать Ярика. Никто не мог помочь Чернышеву-младшему в делах, и никто не поддержал его словом!

Опять все приходилось устраивать самому, а это становилось с каждым разом труднее, ибо обрывались привычные и многократно опробованные связи, позволявшие «решать вопросы», надавливая на известные рычажки административной машины. Да тут еще вдобавок ко всем бедам беззмятежное существование ресторанныго плейбоя оказалось смущено странными и неожиданными притязаниями на его холостяцкую свободу.

Непонятное и загадочное происшествие, последствия которого долго не давали покоя, случилось с Чернышевым именно в ресторане. Давно уже не удавалось Андрюхе подцепить загулявшую бабенку: их, в принципе, мало стало в кабаках, симпатичных — того меньше, а если какая красотка и появлялась, то, как правило, со своим кавалером. А в тот вечер целая компания прелестниц залетела на огонек. Девчонки с какого-то завода. День рождения, может, отмечали, или обмывали премию... Тяжко пьяный Чернышев неотступно вился около них, щедро заказывал все новые и новые порции спирта «Роял» и ликера «Амаретто» — единственных имевшихся в наличии алкогольных напитков... Уже глубокой ночью, неизвестно каким образом и для чего, Чернышев оказался у дверей рабочего общежития, где лукавые обманщицы стали вдруг прощаться. Андрюха упрямо не хотел расставаться с ними, гоноился, заявляя, что непременно доведет каждую до самой кровати. Смутно помнил, как до зубной боли препирался в вестибюле с вредной вахтершей, потом одна из подружек вывела его на улицу, обвела вокруг здания и подтащила к запасному выходу. Там было уже открыто, их ждали, махали призывно и заговорщицки. Андрюха безвольно ввалился в черноту черного хода, почувствовал, как подхватывают его несколько пар женских рук, и отключился.

Проснулся в незнакомой комнате на скрипучей кровати. Один. Хозяйки, видимо, ушли на работу. Пытаясь не поддаться тошнотворному головокружению, встал, толкнул входную дверь. Было не заперто. Голова плыла, Чернышев двигался по таинственному кубическому тоннелю коридора, словно ныряльщик, не слыша ничего, с трудом преодолевая изменчивое пространство, то самопроизвольно сдвигавшееся, то ехидно прятавшее от него углы и повороты. Не хватало воздуха, хотелось скорее на улицу. Мимо вахты проходил молча, понуро. На него кричали, словно собака брехала, пытались схватить за рукав. Чернышев заторможено отмахнулся, выбрался наружи. Позорище! Даже вспоминать об этом не хотелось...

А месяца через два все в том же кабаке знакомый официант, кривя губы в понимающей усмешке, доложил Чернышеву еще об одном неприятном эпизоде. Искали Андрюху. Приходила тут одна. Не то комсорг с завода, где работали давешние девицы, не то сердобольная подруга одной из них. Расспрашивала, ругалась и даже угрожала. Кричала: как-де это только пускают в рестораны низких, безнравственных типов; утверждала: Маша, мол, беременна; усовещала: нельзя же, дескать, из-за одной ночи портить жизнь девушке. Официант уверял (хотя веры официальному никакой), что он Андрюху не выдал, от всего отперся, но настырная правдоискательница обещала неизвестного пока подлеца и подонка обязательно выявить и обязательно женить на Маше.

Словом, полный бред! Абсурдность ситуации заключалась в том, что Чернышев не помнил никакой Маши. Ни имен, ни лиц тех, у кого почевал он, не помнил. Больше того: абсолютно стерлось из памяти все, что происходило в их комнате. Общежитие помнил, вертухайскую вахтершу помнил, проникновение через запасной вход помнил, а потом — как отрезало. Сплошная чернота, засвеченный фотоснимок. А учитывая его состояние после обильных возлияний в тот вечер, трудно даже предположить, зачем он мог пригодиться женщинам. Андрюха склонялся к тому, что, скорее всего, ничего и не было, что он беспробудно уснул, едва переступив порог той злосчастной комнаты, а то и раньше, еще поднимаясь по лестнице. Хотелось отмахнуться от этой истории, а не получалось, поскольку завелся в душе какой-то червячок, впился в грудину с внутренней стороны и постоянно ворочался. И без того не простое Андрюхино существование многократно усложнилось после того, как он оказался замешанным в комически-постыдном приключении.

Андрюха не мог отделаться от накрепко утвердившейся в душе суеверной убеж-

денности: из-за случившейся нелепости отныне все пойдет наперекосяк, дальнейшая жизнь окажется чередой сплошных провалов. И тогда, видя выпадающие на его долю несчастья, окружающие станут жалеть Чернышева-младшего и одновременно винить в неумении реализовать прекрасные стартовые возможности, хотя на самом деле виновником является непутевое время, которое так искорежило его человеческую натурę, что нет возможности найти успокоение ни в работе, ни в пьянстве. Да, истинным виновником всех его неудач является предательское время, которое некогда поманило Андрюху дивной сказкой о том, что можно почувствовать себя счастливым, если быть «как все», а теперь сказку отнимало, обязывало стать самим собой, на «всех» не оглядываться и самостоятельно отвечать за происходящее... Впрочем, завиральными теориями в духе Ярослава проблему не решить. Необходимо разработать план практических действий на случай туманной, а оттого еще более пугающей расплаты... пока неизвестно за что.

Немного поразмыслив, Чернышев пришел к выводу, что, вероятно, вокруг него плетется заговор. Скорее всего, он стал жертвой отработанной преступной схемы, ведь пережитое им болезненное (на грани жизни и смерти) похмелье в равной степени можно было объяснить как тем, что обильно употреблявшийся «Роял» является, по сути, техническим спиртом, приспособленным согражданами для пития от полной безысходности, так и присутствием в упомянутом пойле препаратов, незаметно добавленных коварными девицами, с которыми он опрометчиво свел мимолетное знакомство. Эпические сказания о «клюфелинщиках», валькириях угарного веселья, соблазняющих мужчин, а затем лишающих их имущества, а подчас здоровья и даже самого живота, из уст в уста передавались друг другу завсегдатаями ресторанов и Андрюхе были прекрасно известны. Правда, его история не походила на эти саги, напоминающие не то античные мифы, не то фрейдистские толкования снов, поскольку, вроде бы, ничего не было украдено, но у преступниц вполне мог быть и другой умысел. Видимо, разыграв комедию с мнимой беременностью, его хотят «раскрутить» на деньги якобы для абортов.

Внутренне содрогаясь от отвращения к сребролюбивым и бессовестным представителям «слабого пола», Чернышев все же решил в случае подобного обращения требуемую сумму шантажисткам выдать. Разгульная ресторанская жизнь приучила Андрюху платить по счетам и платить с чаевые — это делало кутеж спаще и безопаснее, это входило в свод правил нарождавшегося слоя «новых русских» с их знаменитой «распальцовкой», широко вошедшей в обиход одновременно с появлением в кругу кооператоров многочисленных уголовников, привыкших «гнуть пальцы». Тут уж, кстати, следует сказать, что не только криминальные корни имела манера при разговоре расставлять «пальцы веером». Уже в прошлом веке Чехов отметил Лопахинское размахивание руками как характерную черту быстро разбогатевших дельцов, чьи размашистые движения невольно выдавали присущую им агрессивную захватистость и потаенное желание, тратя деньги бесценно, откупиться от любви или ненависти. А еще раньше, в непроглядной дали столетий, человек, выставляя перед собой ладони с растопыренными перстами, стремился оградить себя от напасти, в прямом смысле отмахнуться от повседневной туги, отстранить чуждое да дурное, ритуальным жестом заклясть беду. Вот и выходило, как это ни смешно может показаться на первый взгляд, что «новые русские» отразили в своей угловатой пластике тип поведения, сложившийся в древнейшие времена.

Но не только желание звоном монет в мошне отпугнуть горе-злосчастье повлияло на решение Андрюхи заранее приготовить отступные для напористых нахалок. Главное — не было полной уверенности в своей непричастности к беременности неведомой Маши. Вдруг он и впрямь отец? Тогда «по любэ» следовало раскошелиться.

В конце концов, не пропил же он окончательно свою совесть, не затер мятными рублевками в постоянных коммерческих делишках.

Этот внезапный укол совести в сочетании с поразившей воображение потенциальной возможностью передать титул Чернышева-младшего по наследству подействовал на Андрюху неожиданно. Он решил ни от кого не скрываться, а напротив: принять вызов, добровольно вернуться в треклятое общежитие и выяснить отношения с заочными обвинительницами. Андрюхе было бы даже любопытно, преодолев стыд, побывать еще раз в той комнате со скрипучей кроватью, рассмотреть тех девушек, которые его разыскивали. Хотелось, чтобы расплывчатые женские пятна обрели бы очертания фигур, черты лица, голоса и запахи, хотелось понять, что за люди были с ним в ту беспросветную ночь, есть ли у них душа и что они думают о Чернышеве. Он живо представлял себе, как уверенно пройдется по коридору, с пьяных глаз показавшемуся ему диковинной ловушкой для одинокого мужчины, и убедится, что ничего необычного в том коридоре нет; как найдет комнату, где ночевал,— тут уж на интуицию только надежда, ибо номера апартаментов не помнил напрочь; как без стука откроет нужную дверь, молча прошагает до центра помещения, по-хозяйски сядет к столу, обведет суровым взглядом стущевавшихся жиличек и, безошибочно определив (опять же по наитию), какая из них беременна, дерзко спросит ее: «Ну че? Какие вопросы?»

В глубине души таилась беспочвенная и оттого непобедимая надежда: вдруг таинственная Маша, якобы ждущая от него ребенка, окажется белокурой красоткой с голубыми глазами, этакой Барби, притом нежной, скромной, все понимающей, все прощающей? Мечталось, что, может, приглядятся они друг к другу, да и заживут в согласии. Благородный Андрюха не станет попрекать ее тем, что до него у нее уже был другой мужчина. А осчастливленная женщина однажды, преодолев скромность, признается, как в памятный вечер их знакомства была покорена мужским шармом Чернышева, очарована его силой и статью, как не смогла совладать с собой, и сдалась, пала под валом нахлынувшей страсти. Сладостно было именно этой надуманной романтикой наполнять темноту угарно-обморочной неизвестности прошлого, а не тем, что легче всего представлялось: надсадный пьяный храп и облеванная простины.

Если бы и впрямь в обшарпанной комнате рабочего общежития ждала Андрюху принцесса с золотыми косами и небесного цвета глазищами, то дальнейшие события могли бы развиваться даже под марш Мендельсона. Этого Чернышев не исключал. В конце концов, он уже не мальчишка, можно было бы подумать и о семье. Женакулка и прелестный голопузый пупс помогли бы ему начать новую, осмысленную жизнь, успокоили бы душу, которая как с цепи сорвалась — болела, задыхалась от бухгалтерской пыли повседневности и забывалась лишь в безудержном кабацком алкоголизме.

Вскоре грезы о судьбоносной встрече с любовницей-незнакомкой полностью захватили Чернышева, однако он постоянно откладывал свидание. То дела срочные находились, то накатывала непреодолимая усталость после коммерческих свершений и, чтобы разрядиться, следовало отдохнуть, посидеть в ресторации. А то просто: «Не поеду, и все!» Андрюха подсознательно опасался... нет, не возможного скандала, даже не вахтерши на входе в общежитие. Он боялся разбить складную, но хрупкую мечту свою о грубую реальность. Догадывался, что не существует в природе никакой принцессы, а есть потасканная девка с припухшим от скуки лицом, плотная «телка» в засаленном халате, который она, говоря с Андрюхой, будет придерживать рукой у ворота, чтобы спрятать заштопанную комбинацию на невысокой груди. Чернышев справедливо полагал, что на самом деле, заявившись он в гости, его и в комнату-то не

пустят, а весь разговор произойдет в дверях, причем собеседница будет все время нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, шаркая растоптанными тапочками, и исподволь коситься на карманы его брюк: в котором из них кошелек?

И вот на такой противной кувалде Андрюху хотят принудить жениться... Это же верный развод через самое непродолжительное время. Тогда придется платить алименты ребенку, хотя отцовство Чернышева еще не доказано. Да и жена при расторжении брака уже может претендовать на часть Андрюхина имущества (после краха чебуречной кое-что еще осталось, и по теперешним временам совсем не хилое кое-что). Конечно, весь свой бизнес Чернышев не открыл бы никому: ни бандитам, ни налоговикам, ни (тем более!) жене. Но делиться даже частью... И с кем?! Он ведь и представления не имеет, о какой женщине идет речь.

Как глупо все устроено в мире! Почему обязательно надо жениться? Зачем пускать в свой дом постороннего человека? Для чего все эти дети? Еще привыкнешь к ним. Придется ограничивать себя, отказываться от некоторых мелочей, прочно вошедших в твой быт. Андрюха в сердцах сплевывал: в семье ли, на работе ли — всюду приходится под кого-то подстраиваться. Люди душат себя условностями законов, морали, этикета. Мир никак не уразумеет несложный вроде бы постулат: свобода каждого ограничивается только свободой другого. И еще: свобода есть осознанная необходимость. Это же так просто! Этому даже в торговом техникуме учат, на занятиях по общественным дисциплинам. Отчего же, отчего человечество не примет эти высказывания как руководство к действию? Почему никто на земле не осознает необходимость ограничить свою свободу во имя свободы Андрея Чернышева?

Ему же, напротив, приходится считаться с близкими Ярослава, и с выпендрежем случайных ресторанных знакомых, и с заскоками зачем-то закутавшегося в простыню мужика у обочины... Обо всех, как ни странно, должен думать Андрюха, даже о не родившемся пока ребенке! То есть: не все для него, а он для всех?.. Оказывается, свет устроен не андрюхоцентрично, а совсем по другому принципу, который сознание отказывалось постигать, а душа принимать. И ничто не помогало смириться с этим раздражающим фактом: ни начинавшие тяготить посещения ресторанов, ни банно-развратные посиделки с «нужными людьми», ниочные гонки на любимом автомобиле, гонки с самим собой.

Вот и сейчас, когда он с остервенением гнал «Жигули» по пустынным улицам, вся желчь в нем кипела, и не находилось в мире средства, способного умерить это горькое кипение. Андрюха мчался по темному проспекту, пытаясь вырваться из абсолютного одиночества, и не у кого было ему спросить совета не только о том, как жить дальше, но даже о том, отправляться ли завтра в общежитие на поиски своей судьбы или нет. В самом насущном деле никто не мог ему помочь.

(Продолжение следует)